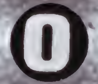

6

1

ТУ 19—32—73

3

5

студия
ДИАФИЛЬМ

Геннадий Снегирёв
ПРО ОЛЕНЕЙ
художник Б. Малинковский

Много дней мы ехали по тайге на лошадях, с трудом пробираясь сквозь чащу. Лошади то вязли в болоте, то спотыкались на камнях. А когда мы переправлялись через горную речку, лошадь повалило течением, и я чуть не утонул.

Наш проводник, тувинец Чо́ду, говорил: «На оленях мы бы уже в горах были...» — И мне хотелось поскорее увидеть оленей, удивительных зверей, что по болоту бегут и не вязнут и реки переплывают, не останавливаясь.

Перевалили мы через одну гору, через вторую, а на третьей уже не ёлки росли, а огромные кедры с обломанными верхушками. Медведи их обломали, чтобы добраться до кедровых шишек.

Спустились мы к чу́му на берегу ручья, а за чумом—целый лес обгорелых кустов...

Пригляделся я: оказывается, стадо оленей лежит. И не кусты это, а рога! Каких только рогов тут нет!

На земле лежат брёвна, и к брёвнам привязаны оленята-пы́жики. Рожки у пы́жиков как два кустика, поросших мягким чёрным мохом. А глаза у оленят добрые и печальные.

Собаки залаяли и подбежали к нам. Я думал, они кусаться будут, такие большие и свирепые.

Слезли мы с лошадей, собаки бросились и стали на нас прыгать, облизывать руки, визжать от радости. Чоду сказал — соскучились.

В чуме жена Чоду стала рассказывать, как ночью приходил голодный медведь, утащил оленью шкуру, разорвал и съел.

Шкура сушилась совсем близко от чума, и жена Чоду очень напугалась, потому что медведь громко рычал и совсем не боялся собак.

—«Голодный был медведь, очень голодный!»—сказал Чоду и стал ругать бурундуков. Я ничего не понимал: медведь шкуру съел, а виноваты бурундуки?

Оказывается, в этом году мало кедровых шишек поспело, а бурундуки проворно набивали кедровые орешки за обе щёки и тащили в свои кладовки. В каждой кладовке килограммов по десять орехов. Запас года на три.

Медведям скоро на зиму надо ложиться в берлогу, а они жир не накопили, голодные бродят по тайге. И я тоже на жадных бурундуков разозлился, что они о других зверях не подумали.

Всю ночь трещали сучья в костре, я уже думал, огонь до чума добрался, и выскочил на улицу. А это совсем не огонь, это оленьи копыта так потрескивают при каждом шаге.

Утром меня разбудили олени. Они стукали рогами в стенку чума, просили соли. Олени очень любят соль. Если олень полудикий, ему дают понемножку соль с ладони, и он приручается.

Днём всё стадо оленей бегало вокруг костра-дымокура. Ветер свалил дым в одну сторону, и олени по очереди вбегали в дым и отгоняли от себя мошек и комаров.

В стаде был один совсем белый как снег олень. Его называли Князёк. Очень гордый, как настоящий князь. И рога у него на голове растут как корона. Я насчитал шестьдесят четыре отростка.

Около чума мешочек с мокрой солью висел, и земля стала немножко солёная. Князёк всё время вылизывал солёную землю, а других оленей прогонял. Не бил рогами, а поднимал переднее копыто и пугал. И олени слушались.

Однажды олени прибежали к чуму, а Князька нет!

Чоду поехал разыскивать его и далеко в горах нашёл рога и клочки белой шерсти. Князька съел медведь.

Он притаился за кедром, убил Князька, схватил передними лапами и унёс в горы.

Про это Чоду узнал по следам. На земле белой шерсти не было, только медвежьи следы от задних лап.

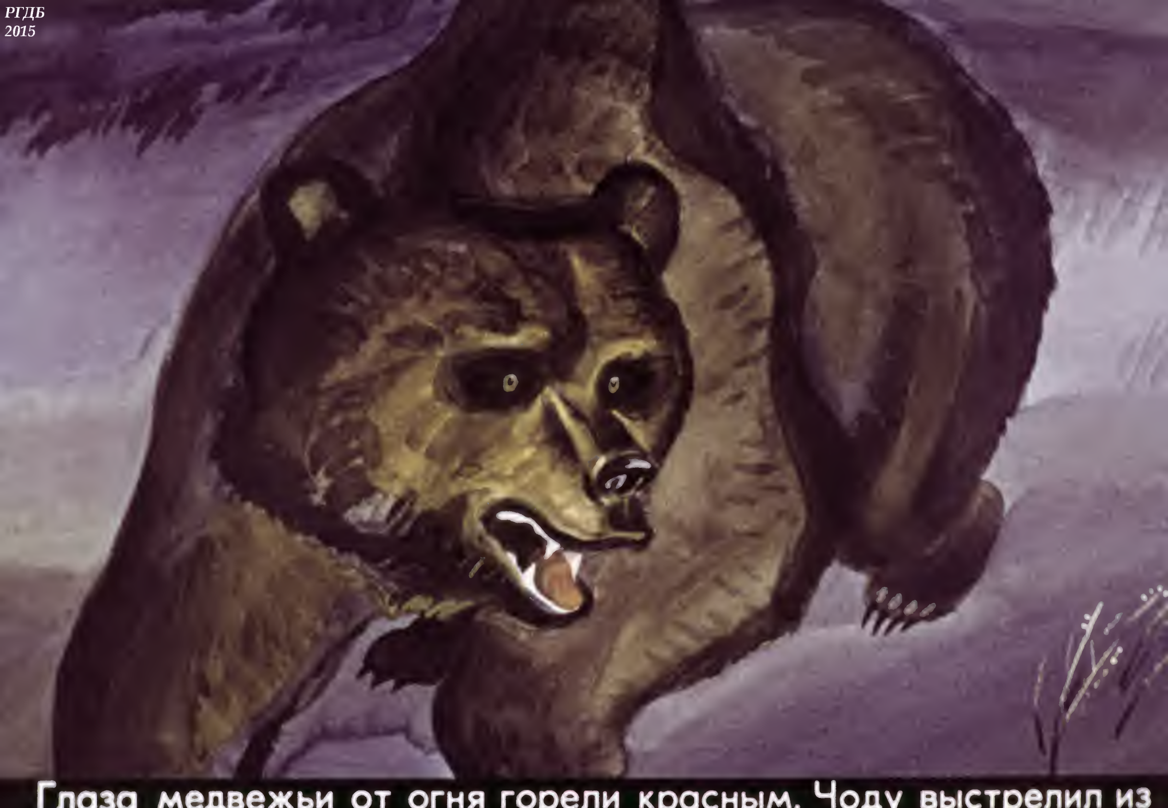
Князёк погиб, потому что уходил один к горным озёрам. Вода в озёрах синяя, и холодный ветер с горных вершин звенит в одиноких кедрах...

Всю ночь около чума горел большой костёр. Чоду сидел с карабином и прислушивался. Я думал, медведь уже не придёт, и уснул.

Вдруг залаяли собаки. Они стали кидаться в темноту.—«Уагг... уагг...»—заревел медведь.

Глаза медвежьи от огня горели красным. Чоду выстрелил из карабина.—«Уагг... уагг... уагг...!»

Медведь тяжело повалился на бок и ревел, ревел, а сам всё ползл к костру. Чоду опять выстрелил.

Голова медведя упала, огоньки погасли. И Чоду стал отгонять собак от мёртвого медведя.

Шкуру с медведя сняли и повесили сушиться. На боках шерсть была совсем вытерта. Чоду сказал, что в берлоге был камень и, когда медведь зимой во сне ворочался, он стёр с боков шерсть.

Олени издалека смотрели на шкуру, нюхали воздух, испуганно косились и не подходили. Первым подошёл коричневый пыжик, понюхал её и боднул чёрными рожками.

За ним подошёл оленёнок постарше, а потом все олени подходили и бодали рогами шкуру медведя. Они мстили за своего белоснежного Князька.

Наступила осень. Однажды ночью подул ветер со снегом, и утром солнце хотя и растопило снег, но листики на карликовых берёзках покраснели.

Пыжиков к вечеру привязывали к брёвнам, а днём они гуляли с уздечкой — монгуем. На мордочку надевается кольцо из дерева, в кольце торчит палочка из оленьего рога, а за палочку привязывают переднюю ногу пыжика — на трёх ногах он далеко не убежит!

Каждый день мы пересчитывали пыжиков, но всё равно не уследили. Ночью белый пыжик отвязался от бревна и убежал за взрослыми оленями в тайгу за грибами. Олени очень любят грибы. Медведи знают это и подкарауливают оленей.

Мы с Чоду зарядили ружья пулями и пошли разыскивать белого пыжика. В тайге много звериных троп. Мы нашли узкую заячью тропку.

Она привела нас из чащи на поляну, где трава была зелёная и росли заячья капуста и молодые осинки. Но следов маленьких копыт пыжика нигде не было. Зато были медвежьи.

Мы пошли в горы. По сторонам тропы валялись вывороченные камни. Это медведи разрывали бурундучьи норы, чтоб добраться до их запасов, и выбрасывали камни вместе с землёй.

На одной лиственнице вся кора была содрана медвежьими когтями. Чоду сказал, что медведи это дерево знают и всегда меряются, кто выше обдерёт кору зубами или когтями.

И если медведь не достанет до самой высокой метки, он поскорее уходит из этой тайги: он знает, что есть медведь ещё больше его, которому он мешает охотиться.

Мы пошли дальше. В горах очень тихо. Чоду всё время кричал — оо-оо-оо, — так тувинцы зовут оленей, когда дают им соль. Но пыжика нигде не было.

Мы хотели уже возвращаться, как где-то далеко закричал ворон. Над нами пролетел к нему второй — только слышно, как крылья шумят в воздухе.

Мы пошли в ту сторону и увидели огромные стволы мёртвых кедров: они лежали друг на друге, старые и почерневшие. Три ворона сидели на чёрных ветках.

Мы спугнули их и стали перелезать через стволы. В буреломе мы увидели белого пыжика. На мордочке болтался обрывок уздечки.

Мы спускались с гор. Чоду нёс на руках пыжика и рассказывал, что, если бы мы опоздали, на крик воронов пришёл бы медведь.

Снег утром таял всё медленнее и медленнее. Скоро наступит настоящая зима. Оленей собирались перегонять ближе к посёлку.

Я простился с Чоду и его женой. На прощание Чоду подарил мне уздечку белого пыжика. Она сплетена из конского волоса.

И когда я писал про оленей, уздечка лежала передо мной на столе.

конец

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор В. Иванов
Д-038-76
Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7
Цветной 0-30